

Огромный квадратный автомобиль мистера Морпурго провез нас через Темзу и мимо здания парламента в район Лондона к югу от Гайд-парка, где площади облицованы лепниной, а высокие дома напоминают белые скалы вокруг зеленых садов; и мистер Морпурго стал очень веселым.

— Мы уже недалеко от дома, — сказал он, — и мне не терпится повидаться с женой за обедом. Хотя она два дня как вернулась, я ее почти не видел. К сожалению, путешествие вызвало у нее очередной приступ мучительной головной боли, сущее проклятие ее жизни. Из-за этих приступов она совершенно не может ни с кем разговаривать, и, пока они длятся, ей просто приходится запирается в своей спальне и опускать ставни, чем жена и занималась с самого своего возвращения. Когда она приехала, у нас состоялся долгий разговор, и ее старая боль вдруг вернулась. Нет-нет, о том, чтобы отложить ваш визит, не могло быть и речи. Возникни такая необходимость, я бы без зазрения совести попросил вас приехать в другой день. Но я спросил ее вчера вечером, и она сказала, что если поужинает в постели и примет снотворное, то вполне окрепнет к сегодняшнему обеду.

— В последнее время вам обоим не везет в путешествиях, — сказала мама. — Вы выглядели очень больным, когда вернулись из той поездки на континент, от которой, по вашим словам, не получили никакого удовольствия.

— Ах да, — вздохнул он, помрачнев. — Но, как вы верно заметили, это все из-за готовки на растительном масле. Видите, вот здесь я и живу, в том большом доме, что стоит наискосок на углу площади, очень большом и совершенно несообразном. Тут уж ничего не поделаешь. Как сказал Господь Иову, с бегемотом и левиафаном ничего нельзя поделывать. Нет, не вылезайте, лакей откроет вам двери.

При его последних словах меня охватил ужас. Как и все, кто вырос в домах без мужской прислуги, мы считали лакеев непримиримыми врагами рода человеческого, которые могут проявить свою злую волю при помощи сверхъестественных способностей, позволяющих им раскусить притворство гостя, едва впустив его на порог, и без слов изобличить его перед остальными присутствующими. Мы прошмыгнули мимо лакея, опустив глаза в землю, и поэтому, пока не вошли в холл, не замечали, что это не просто огромный дом, каким, как мы ожидали, и должен владеть мистер Морпурго, а огромный как театр или концертный зал. Мы стояли, омываемые ярким светом, лившимся из стеклянного купола высоко над нашими головами, на блестящем мраморном полу с геометрическим узором из черно-белых квадратов, треугольников и полумесяцев; лестница изгибалась, словно широкий, медленный водопад; стены были так огромны, что на одной из них помещался гобелен, на переднем плане которого две армии сошлись на суше вокруг спорного города, а на заднем два флота сражались среди

архипелага, лежащего на стыке моря и эстуария реки; а на противоположной стене высокий каминный портал эпохи Возрождения поднимался в каменный лес, испещренный группами охотников. Отдав слуге шляпу и пальто, мистер Морпурго повернулся к нам, раскинув маленькие ручки и широко расставив ноги.

— Разумеется, — степенно сказал он, — нам не нужен такой большой дом, ведь нас всего пятеро. Но мужчине необходимо, чтобы в жилище было где развернуться. — Мы промолчали, и он подошел к маме и поцеловал ей руку. — Клэр, вы прекрасно воспитали своих детей. Ни один из них не рассмеялся. Так что я расскажу вам, что́ это за дом и почему вы не должны над ним смеяться.

Дворецкий и лакей внезапно обрели такой отстраненный вид, словно приняли наркотик, и начали переминаться с ноги на ногу. Вопреки моим ожиданиям, они походили не на бесов, а, скорее, на шекспировских придворных, столкнувшихся с главной проблемой их жизни — как оставаться в пределах слышимости от своих словоохотливых вышестоящих, не подавая виду, что слушают, и найти удобную позу, в которой смогут простоять на протяжении их монологов.

— По правде говоря, у меня слишком много дóма, так как я склонен иметь слишком много всего, — сказал мистер Морпурго. — Но есть причина быть снисходительными к избыточности этого места. Его построил мой отец, потому что был евреем, представителем угнетаемого народа, а моего родителя принимал король Эдуард Седьмой по случаю, который заслуживает того, чтобы его помнили. Недавно, когда он умер, никто не упомянул об этом ни словом; полагаю, это было невозможно, поскольку мы хотим сохранить мир между народами. Но в будущем этот случай,

вероятно, запомнят как пример поступка, на который способен только король, настолько остроумного, что его никак нельзя было ожидать от правителя из Ганноверской династии. Как вам, несомненно, известно, русский царь ненавидит своих еврейских подданных. Он стал ярым антисемитом с тех самых пор, как юношей путешествовал по Японии и обезумевший официант ударил его по голове тяжелым подносом; и погромы в России происходят не сами по себе, а с поощрения правительства или, иначе говоря, царя. Так вот, в тысяча восемьсот девяносто четвертом году, когда царь прибыл в Англию, принц Уэльский хорошенько проучил молодого супруга своей племянницы. Он пригласил его провести выходные в Сандрингеме*, а когда царь туда приехал, оказалось, что почти все остальные гости — евреи. Одним из них был мой отец, и на царя это произвело глубокое впечатление. Надо признать, что многих эта история впечатляет меньше. Они отмечают, что принц Уэльский занял у тех евреев огромные деньги, которые потом так и не вернул. Однако так рассуждают только гои. Мы, евреи, знаем, что многие занимают у нас деньги и не возвращают их, но мало кто из таких заемщиков совершает красивые и любезные жесты в защиту нашего народа. Вот почему мой отец, приглашенный в Сандрингем по этому знаменательному случаю, настолько воодушевился, что построил этот дом, чтобы создать зримый символ того, что наш народ почитается на земле так же, как, по нашему всегдашнему, возможно, слишком сильному убеждению, почитается и на Небесах. Так что, дети, будьте снисходительны к этому дому и забудьте, как

---

* Сандрингем — деревня в английском графстве Норфолк, где находится дворец британских монархов.

стараюсь забыть и я, о том, что моему отцу следовало бы понимать: нелепо строить в стиле ренессанс из фрезерованного камня... — Внезапно хозяин осекся, и его улыбка померкла. — Мэннинг, — сказал он, и дворецкий выступил вперед. Мистер Морпурго показал на фетровую шляпу, лежащую на столике в холле, и спросил: — Значит ли это, что с нами будет обедать еще один гость?

— Да, сэра, — ответил дворецкий. — В гостиной мистер Вайсбах.

— Мистер Вайсбах? — повторил мистер Морпурго. — Но почему он пришел? Я его не приглашал. — Он провел ладонью по лбу. — Должно быть, какое-то недоразумение. Наверное, я позвал его на другой день. Однако же не помню, чтобы делал нечто подобное.

Дворецкий облизнул губы:

— Сэр, мистер Вайсбах позвонил утром, сразу после вашего ухода, и сказал, что только что вернулся из-за границы и ему очень нужно вас увидеть, и я соединил его с мадам, и та после разговора с ним велела ждать к обеду еще одного гостя.

Он говорил со злорадной тактичностью. Услышанное, казалось, ошеломило мистера Морпурго. Атмосфера была такая же, как в школе, когда между собою ссорились учителя. Одна только мама не поняла, что что-то пошло не так. Взгляд ее блуждал между красотой копий и знамен доблестных армий на гобеленах и уменьшенными церквями и дворцами в городе, за который они сражались, и она тихонько напевала какую-то музыку, которая казалась ей подходящей.

Мистер Морпурго продолжал тарашиться на фетровую шляпу. Наконец он произнес тоном рассудительного и невозмутимого человека:

— Похоже, моя жена устроила для вас знакомство с мистером Мортимером Вайсбахом. Он торговец искусством, знаменитый торговец искусством. Не чета тем, к которым я водил вас, Клэр, чтобы продать ваши картины. Его профиль — итальянское искусство. Господь посчитал нужным отобрать у моего народа Святую землю, но в последние годы во многом компенсировал это, подарив некоторым из нас возможность культивировать Кватроченто. Идемте, давайте поднимемся по моей лестнице, по моей огромной лестнице.

Он остановил нас на площадке. Между двумя дверями висела одна-единственная картина в помпезной золоченой раме с резными пилястрами и арочным верхом — мадонна с младенцем, написанная плоскими яркими цветами с большим количеством золота.

— Мой Симоне Мартини*, — любовно сказал хозяин, рассматривая полотно с таким видом, будто посасывал ириску. — Я часто думаю, что это не совсем картина, скорее мозаика из плиток, взятых с небесного пола. Новых плиток, — застенчиво добавил он. — У меня есть еще одна картина, мой Джентиле да Фабриано**, который добился того же эффекта с помощью потертых плиток из того же места. Не знаю, которая из них мне больше нравится.

— Прекрасно, прекрасно, — пробормотала мама и впала в транс. Она открыла рот, и мистер Морпурго подошел поближе, чтобы услышать, какое суждение

---

* Симоне Мартини (1284–1344) — итальянский художник, представитель сиенской школы живописи.

** Джентиле да Фабриано (1370–1427) — итальянский художник, писавший в стиле интернациональной готики.

Морпурго произнесла последнюю фразу, как нельзя яснее давала понять, что раз уж ее муж настаивает, чтобы она попусту тратила время на этот обед, то почему бы мистеру Вайсбаху, который также посягал на ее время, не потратить тот же самый отрезок времени. Мама смотрела на нее с жалостью, которую всегда испытывала к людям с особыми недостатками, одна из дочерей хихикнула, тиканье золоченых бронзовых часов на каминной полке стало очень громким. Миссис Морпурго взглянула на мужа с выражением, которое можно было предсказать. «Опять ты ведешь себя необъяснимо, — удивлялась она про себя, водя твердым пальцем по губам в притворном недоумении. — Как то, что я только что произнесла, могло кого-то задеть?»

— Почему бы вам не присесть? — яростно обратилась она к моей матери, увлекла ее к креслу у камина и осталась стоять рядом, время от времени покачиваясь на каблуках, как если бы странность происходящего буквально выбила ее из равновесия, и раздраженно развлекала гостью легкой беседой. Свет из высоких окон озарял хозяйку во всем великолепии. На ее лице не было ни одной морщинки. Кожа миссис Морпурго была гладкой и сияющей, как тонкий фарфор. Казалось, это как-то связано с ее трудностями в восприятии.

Я осталась с двумя старшими дочерьми и улыбнулась им, поскольку они вызвали у меня уважение. Девушки избежали уродства своего отца, но и не унаследовали красоты матери, которая и впрямь была очаровательна. Хотя миссис Морпурго боролась с непринужденностью каждым своим словом, она обещала покой мягкой упругостью, сиянием своей плоти, глаз, кожи и волос. Но ее дочери, одетые в блузки и юбки-колокола, были

безукоризненно опрятны, еще опрятнее, чем Корделия. Мне не пришло в голову, что их одевает горничная, поэтому я приписывала им расторопность, утонченность и аккуратность. Я представляла, как они готовятся к новому дню в изумительно опрятных спальнях, очищенных прохладным утренним светом, стоя перед своими псише* и собирая блузки в ровные складки на талиях, а позади них находятся узкие, гладко заправленные кровати, почти не смятые за ночь. Я смутилась, когда они ответили мне несомненно сдержанными и, возможно, насмешливыми улыбками. Корделии повезло больше, потому что мистер Вайсбах беседовал с ней вежливо, как со взрослой; именно этого я и ожидала в доме мистера Морпурго, обитатели которого, как я полагала, считают само собой разумеющимся, что нужно относиться с уважением ко всем, кого они встречают. Ричард Куин спросил мистера Морпурго о миниатюре на одном из столиков, и хозяин ответил:

— Интересно, что тебе захотелось узнать, кто это. Его обожает моя малышка Стефани. Он был баварским маршалом ирландского происхождения. Стефани, иди сюда и расскажи Ричарду Куину все, что о нем знаешь. — Этого я тоже ожидала здесь — его счастливой, безобидной педантичности, его наслаждения знаниями, которые были чисто декоративными, как цветы, в отличие от знаний моего отца, служивших топливом для его воинственных кампаний. Но Маргерит и Мари-Луиз, которые продолжали молчать и делать вид, будто я их забавляю,

---

* Псише (фр. *psyché*) — прямоугольное или овальное зеркало для гардеробных, закреплявшееся с помощью шарниров между двумя стойками. *Прим. ред.*

оказались не такими, как я думала. Приходилось признать, что Мэри, возможно, права. Возможно, мир и впрямь кое в чем походил на школу.

Внезапно миссис Морпурго оборвала беседу с мамой и заметила голосом, полным отчаяния:

— Ах, обед ужасно запаздывает!

— Нет, — холодно ответил мистер Морпурго. — До нашего обычного часа еще три минуты.

— Поверить не могу, — проговорила миссис Морпурго. — Как странно, иногда время проходит так быстро, а иногда — так медленно. Что ж, за обедом, — произнесла хозяйка с видом утопающего, цепляющегося за соломинку, — мы сможем послушать мистера Вайсбаха, который расскажет нам обо всех сокровищах, найденных им в Италии. Это сокровища, — объяснила она нам с легким смешком, — для мистера Вайсбаха и моего мужа, но не для меня. Можете ли вы выносить этих глупых застывших мадонн с уродливыми маленькими иисусиками? И никакой перспективы! Что такое картина без перспективы? — спросили ее поднятые глаза не только у своей семьи и гостей, но и у позолоченного расписного потолка. — Я говорю мужу, что моя Мари-Луиз может написать картину лучше, чем все его флорентийцы и сиенцы. Но он мне не верит. Муж гонится за модой, — поведала она маме. — По моему убеждению, одни вещи прекрасны, а другие безобразны, и ничто этого не изменит. Соловьи и розы, — вдруг сказала миссис Морпурго мужу голосом, резким от ненависти. — Еще немного — и ты станешь уверять меня, будто в них нет красоты.

— А вот и Мэннинг пришел сказать нам, что обед готов на две минуты раньше, — тихо и печально произнес мистер Морпурго.

Когда мы вышли из комнаты, нас провели через лестничную площадку в другое помещение на том же этаже, и он спросил позади нас:

— Разве мы обедаем не в столовой?

Мы все остановились. Дворецкий снова напомнил мне шекспировского придворного.

— Мне и в голову не приходило, что сегодня ты пожелаешь обедать внизу, — ответила миссис Морпурго, в очередной раз демонстрируя свою способность удивляться.

— Я хотел показать миссис Обри и детям комнату, Клодов и Пуссенов, — сказал мистер Морпурго.

— Клодов и Пуссенов — возможно, но комнату-то зачем? Разве в ней есть что-то особенное, кроме огромных размеров? — спросила миссис Морпурго, наморщив нос. — Но боже мой, не вернуться ли нам всем в гостиную и дожидаться, пока стол накроют в столовой? Это вполне осуществимо, — сказала она, словно приглашая палача пустить в ход топор. — Если, конечно, вы не против подождать.

— Среди нас шесть человек моложе девятнадцати лет, — любезно сказал мистер Морпурго, — и с ними должно быть что-то не так, если они не настолько голодны, что вырвать обед у них из-под носа было бы чистой жестокостью. — Стефани висела на его руке, и он внезапно привлек ее к себе. Похоже, отец считал ее самой славной из своих дочерей. Возможно, так оно и было. Она хорошо поладила с Ричардом Куином. — Даже у этой худенькой малышки волчий аппетит. А мистер Вайсбах и я достигли того возраста, когда люди становятся привередливы в еде и предпочитают не притрагиваться к обеду, простоявшему двадцать минут. Но в следующий раз,

когда к нам придут Обри, мы должны пообедать в столовой. Не забудете, Мэннинг?

Комната, где мы обедали, не была рассчитана на такое количество гостей. Очевидно, хозяева обедали там в семейном кругу. Здесь было довольно красиво; и мы с Корделией и Ричардом Куином с интересом увидели, что стены увешаны фотографиями и картинами, изображавшими не только людей, но и множество лошадей, быков, коров и собак. Стол оказался слишком мал, так как нас теперь было одиннадцать: к нам присоединилась французская гувернантка дочерей, женщина в черном платье, с таким же злорадным выражением лица, как у дворецкого. Она сидела со склоненной головой отчасти потому, что ее, вероятно, пригибал к земле огромный шиньон из каштановых волос, но в то же время гувернантка, похоже, надеялась избежать внимания, чтобы не быть втянутой в разговор и не сказать лишнего. Этот способ был настолько изошренным, что создавалось впечатление, будто она не очень умна. Но умом не отличались и другие домочадцы. Миссис Морпурго, несомненно, предпочла обедать в такой тесноте, чтобы выразить раздражение оттого, что ей приходится принимать мистера Вайсбаха и нас; тем не менее ее ошеломило неудобство, которое она на себя навлекла.

— Мы сидим друг у друга на головах! — сказала хозяйка, недовольно озираясь. — Это довольно неудобно. Миссис Обри, я должна извиниться. Стефани и ваш сын могли бы пообедать вместе в классной комнате, но я об этом не подумала.

— Нет, так бы не стоило, — сказал мистер Морпурго, — видите ли, я посадил слева от себя не Корделию, а Ричарда Куина, чтобы Стефани села по другую руку

от него и узнала, какими умными бывают ее ровесники, и время от времени я собираюсь перегибаться через него и говорить ей, как я потрясен этой разницей.

Миссис Морпурго, не слушая, продолжала:

— В самом деле, я должна извиниться, у меня была такая мигрень, что все вылетело из головы.

Внезапно она погрузилась в задумчивость, и, когда мистер Вайсбах к ней обращался, отвечала ему односложно, и, возможно, так и не очнулась бы от своих мрачных грез, если бы ее не пробудили странные последствия его интереса к Корделии. Он сидел справа от миссис Морпурго, напротив сестры, и постоянно заговаривал с хозяйкой о ее имуществе и интересах, но перед окончанием каждого высказывания переводил взгляд с нее на Корделию, так что имущество и интересы, казалось, переходили к моей сестре.

— Я провел в Падуе всего день, — сказал он миссис Морпурго, — но воспользовался возможностью посетить вашу очаровательную кухню маркизу Аллегрини. — Его глаза устремились на Корделию задолго до того, как он произнес это итальянское имя, и создалось впечатление, будто моя сестра внезапно обзавелась кухней-маркизой.

— Вы по-прежнему разводите этих очаровательных маленьких французских пуделей?

В ходе этой короткой фразы право собственности на собак также перешло от миссис Морпурго к Корделии. Поглощенность мистера Вайсбаха моей сестрой была так велика, что Маргерит и Мари-Луиз вскоре заметили ее, переглянулись через стол, вскинули брови и захихикали, а гувернантка-француженка подняла голову и осуждающе зашипела. Ее нельзя было назвать женщиной с легкой рукой. Этот звук вырвал миссис Морпурго

из задумчивости, и хозяйка со страхом огляделась по сторонам, опасаясь, что в то время, когда она утратила бдительность, случилось что-то неблагоприятное для нее. Миссис Морпурго подняла голову в полной уверенности, что, стоит ей завладеть вниманием присутствующих, все уладится.

— Что ж, давайте послушаем, какие сокровища мистер Вайсбах отыскал в Италии, чтобы доставить удовольствие моему мужу, но никак не мне, — произнесла она так громко, что все замолчали.

— Панно Лоренцетти, — сказал мистер Вайсбах мистеру Морпурго.

— Какого Лоренцетти? — спросил тот.

— Амброджо, — ответил мистер Вайсбах. — Вы ведь не любитель Пьетро*.

— Ах вы шельмец, — сказал мистер Морпурго, — вы непременно посчитали бы меня таковым, если бы нашли Пьетро.

— Задумывались ли вы когда-нибудь, насколько тяжело мне вести дела с таким человеком, как вы, который так хорошо меня понимает? — отозвался мистер Вайсбах. — Но, как бы там ни было, это Амброджо, и атрибуция не вызывает сомнений.

— К черту атрибуцию, — сказал мистер Морпурго. — Оно выглядит как Амброджо? Одно должно быть равно другому, но вы, пройдохи, становитесь такими учеными, что часто это не так. Амброджо Лоренцетти! Ну, в любом случае оно будет для меня слишком дорогим.

---

* Пьетро Лоренцетти (ок. 1280–1348), Амброджо Лоренцетти (ок. 1290–1348) — братья, итальянские художники сиенской школы.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

